

18+

Ольга Мартыанова

ИСПОВЕДЬ МЕРТВОГО ЭГОИСТА

Роман

Ольга Мартьянова
Исповедь мертвого
эгоиста. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56079659

ISBN 9785005102553

Аннотация

Главная мысль произведения показать, что многих проблем можно было бы избежать, если бы родители больше давали детям любви, внимания, заботы. Обида на мать, которой он был не нужен, комплексы, возвращенные жалостливой бабушкой, суровая действительность, когда во дворе его обзывали «байстриук» и нанесли травму психике с детства. Неудачный брак по «залету», унижения в новой семье, алкоголь – все это еще больше ломает молодого человека. Он катится под откос жизни, не в силах изменить сознание.

Содержание

Исповедь мертвого эгоиста	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Исповедь мертвого эгоиста

Роман

Ольга Мартьянова

© Ольга Мартьянова, 2020

ISBN 978-5-0051-0255-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Исповедь мертвого эгоиста

Общество литераторов России
«Образ современного писателя» Санкт-
Петербург
2020

Ольга Мартьянова.

«Исповедь мертвого эгоиста». Роман. Санкт-Петербург, 2020.

Если вы любите читать хорошие истории со счастливым концом, не берите в руки эту книгу, ибо она перевернет ваше сознание. Создание психологического триллера с элементами мистики был начат членом Российского союза писателей Ольгой Мартьяновой шесть лет назад, и только недавно роман завершен. Задача автора – дать понять читателю, что в жизни героев иногда все не то, чем кажется, и не так, как вы думаете. Только перевернув последнюю страницу, вы поймете, чья же это история на самом деле... Гнусность человеческой природы, несчастная любовь, поиски смысла своего существования – все это присутствует в отношениях молодой девушки и сорокалетнего мужчины, неудачника-суицидника. Снимите «розовые очки» и загляните в глубины их душ... В романе есть все, чтобы задуматься и над своей

судьбой.

Авторские права защищены. Свидетельство о публикации
№220041001626

© Ольга Мартянова
Текст, 2020

Предисловие

Наша жизнь смахивает на поезд: садимся в вагоны, проезжаем одну станцию за другой – «Рождение», «Ясли», «Садик», «Школа», «Учебные заведения», у кого «Армия», у иных – «Тюрьма» – и, наконец, подъезжаем к пункту с названием «Перепутье». Тут меняется направление нашей судьбы. Мы делаем выбор.

Серая невзрачная поздняя осень... Капли дождя барабают по стеклу вагона. На перроне люди: провожают, встречают. Только меня никто не ждет: дети выросли, муж умер. Я просто еду изо дня в день, из года в год... Мне нравится быть в дороге, наблюдать за жизнью, собирая истории людей для будущих книг.

В один из слезливых ноябрьских дней спокойствие нарушил тихий стук в дверь, и в двухместное купе зашел пассажир. Первым желанием было вызвать проводника и высказать недовольство. Купе хоть и на двоих, но полностью вы-

куплено, чтобы никто и ничто не могли помешать писательской жизни, а тут вдруг посторонний человек...

Не знаю, что остановило: любопытство, скука, желание поговорить?

– Можно к вам? – нерешительно спросил незнакомец.

Окинув взглядом мужчину, молча кивнула. Интерес перевесил все внутренние аргументы. Кто же ты?

На вид около шестидесяти пяти, худощав, высок, коротко стрижен. Лицо с обвисшими щеками, испещренное морщинками-бороздами, напоминало карту мира.

Расположившись напротив, мужчина вытащил из пакета бутылку водки и два набора одноразовой посуды. Не говоря ни слова, я разложила на белой тарелочке свои бутерброды с сыром, нарезала соленый огурец. Его цветущие светлые глаза-буравчики все это время наблюдали за мной, желая добраться до глубины моего сознания, а задумчивый взор излучал трагедию жизни...

– Давайте знакомиться... – тихим завораживающим голосом предложил он.

– А нужно?

– Ну, как-то по русскому обычаю надо знать, с кем начинаешь пить. Я – Александр. И он протянул свою руку.

– Сочувствую, – я ухмыльнулась, пожимая холодные пальцы.

– Не любите Александров?

– Не то чтобы не люблю... С этим именем у меня очень

многое связано.

– Видимо, воспоминания не совсем приятные?

– Разные.

Разлив по пластиковым стаканам прозрачную жидкость, мужчина вновь обратился ко мне:

– Не хотите назвать свое имя, а дама Икс?

– Не вижу смысла, – парировала я, раздражаясь. Пропустив мимо ушей мою реплику, он, подняв стаканчик, продолжил:

– За знакомство?

– Да, давайте за знакомство!

Под равномерный стук колес дружно стукнулись мягкими «стопками» и одним махом выпили. Отломив

маленький кусочек хлеба, я поднесла его к носу, вдохнув в себя запах дрожжевого теста.

– Второй раз в жизни встречаю женщину, которая не заливает водку, а занюхивает, – улыбнулся новый знакомый.

– Какие ваши годы, – откусив от ломтика, произнесла я.

– Откуда такая привычка? – не замечая сарказма, продолжил Александр.

– Жизненный опыт.

– Сурово – по-нашему, по-мужски.

– С кем поведешься, с тем и наберешься...

– Как это понимать?

– Учителя были хорошие, вот и научили.

– А я алкоголик...

– Проблема. А с чего так? Должен же быть для этого повод?

– Вся моя жизнь – один сплошной повод. Хотите расскажу?

– Само собой, хочу.

– Давайте чуть позже, а пока – вы о себе.

– Не думаю, что вам это интересно, – замялась я.

– Может, все-таки расскажете?

– В двух словах не получится, да и о себе говорить нет желания...

– Ну, нет – так нет. Не буду настаивать. Скажите хотя бы, чем занимаетесь? – допекал вопросами мужчина.

– Я книги пишу.

– И о чем же они? Или это такой же секрет, как и имя?

– Пишу о людях, жизни, взаимоотношениях.

– Вы очень похожи на одну мою знакомую девушку, только вы старше, – сменив тему, продолжил новый пассажир.

– И куда она делась?

– Расстались мы, разошлись, как в море корабли.

– Печально. Жалеете?

– Честно? Да. Когда особенно невмоготу, думаю о ней...

– И что думаете?

– Хорошо мне с ней было. Не понимал я тогда, какой человек рядом.

– А потом как поняли, что это был именно тот человек?

– Да, знаете, со временем. Наступает такой момент –

начинаешь ценить, что было, а исправить ничего нельзя. И останавливаешься, понимая, что достиг точки невозврата. Страшно, очень страшно...

Мужчина поднял стаканчик, и, вновь чокнувшись, выпили. Александр замолчал. Я внимательно посмотрела на него. На покрытых щетиной дряблых щеках выступил легкий румянец. На некоторое время я даже залюбовалась его лицом. Странная особенность наших лиц – меняться... Вот вроде смотришь на человека – одно выражение, а сколько раз на протяжении беседы оно становится разным: то в какой-то момент вызывает неприязнь к нему, а иной раз приобретает некий колорит, что невольно влюбляешься в того, кто тебе еще несколько минут назад даже не нравился...

– Ну а что не так? Вижу, что пришлось пройти испытания, и нелегкие, – спросила я, понимая, что этому человеку глубоко плевать на прошлое моей жизни, а вопросы

– лишь повод завязать разговор, чтобы поговорить о нем.

– Да, было все. Иногда не хотелось жить. Я даже несколько раз пытался покончить с собой – до того было тошно!

– Неужели так кардинально? Тысячи людей живут с одними и теми же проблемами и как-то научились с ними справляться.

– Многие женщины говорили мне то же самое. Ну, я вот не из этой тысячи. Я – слабак.

– Извините, Александр, а сколько вам лет? Мужчина, опустив глаза, с грустью ответил:

– Сегодня полтинник исполнился бы.

– Почему «бы»?

– Потому что десять лет прошло с тех пор, как я умер...

– Значит, юбилей? – не придав значения его словам, с улыбкой спросила я.

– Ну, можно и так сказать.

– Что же вы довели себя до такого состояния?

– Так сложилось. Не повезло.

Разговор не клеился. Мы подолгу молчали, размышляя о своем, глядя на пронесившиеся за окошком поля, деревья, мосты, будто хотели отыскать в мимолетном пейзаже ответы на собственные вопросы.

Но провидению все же угодно было сделать так, чтобы наша беседа продолжилась. На безымянной станции поезд неожиданно сделал остановку на несколько минут. Александр стремительно выбежал из вагона и вскоре возвратился назад, неся в руках целлофановый пакет. За столиком мужчина раскрыл его, и мы, не сговариваясь, заглянули внутрь. Оттуда, как джин из бутылки, бесцветной дымкой потянулся задорный пар, и наши носы вдохнули запах детства. Аппетитная вареная картошка, заботливо усыпанная зеленым укропом, смотрела на голодных пассажиров, маня к себе. Две вилки одновременно воткнулись в одну и ту же картофелину. Мы рассмеялись. Напряжение исчезло.

– Как тебе картошечка? Да с твоими солеными огурчиками? – подмигивая, задал вопрос Александр, переходя

на «ты».

– М-мм, вкуснотища... – только и сумела ответить, смачно жуя.

Закончив с ужином и допив остатки водки, Александр вдруг задал вопрос, который волновал его с самого начала нашего знакомства:

– Скажи, а тебе интересно узнать, как я жил все эти годы?

– Да, Саша, мне очень интересно, – ответила я, будто мы давние друзья, не видевшиеся много лет.

– Хорошо, только расскажу тебе об этом завтра. Утомился что-то. Представляешь, стал быстро уставать. Как ты думаешь, почему?

– Это старость, – улыбнулась я.

– Она тоже так говорила...

Я смолчала. За окнами уже мерцали ночные редкие фонари, проносились некие неведомые станции, входили и выходили загадочные пассажиры. Жизнь продолжалась, несмотря на позднее время. Но стоило лечь на свои полки, как под металлическое бряканье колес мы одновременно засопели. Утром разбудил солнечный луч, назойливо светивший в окно. Открыв глаза, первым делом взглянула на место, где вчера сидел Александр. Там было пусто. Не попрощавшись, мужчина исчез, будто его и не было. Не приснился ли мне этот странный пассажир?

Поезд внезапно дернуло, и с полочки, шурша страницами, выпала тетрадка. Нисколько не удивившись, взяла ее в ру-

ки. Веером пролистав странички, исписанные скорым почерком, почувствовала запах сырости. Понюхав тетрадь, открыла первую страницу, на которой было написано: «Меня зовут Александр. Человек с таким именем, коим обладали победители, защитники или талантливые, творческие люди, должен отличаться от тех, кому повезло меньше. Но недостаточно иметь имя, чтобы жизнь сложилась в единую картину мира. Кстати, все Александры плохо кончили. Но это так, к слову. Прежде чем окончить свой путь, я решил: пусть люди узнают обо мне после меня. Так появилась эта исповедь. Может быть, маленькая часть моей бесславной жизни послужит уроком. В любом случае, я был откровенен. Не все мои высказывания о жизни подходят вам, а многие вовсе не подходят, и мнение автора не всегда может совпадать с вашим, не возражаю. Моя же жизнь сложилась так, как сложилась...»

Глава 1

«Переправа, переправа, берег левый, берег правый». Кто из нас правый?

Мама моя родилась и выросла в интеллигентной семье учителей. После школы поступила в институт, получила диплом, удачно устроилась на работу в крупную компанию по одурачиванию населения. Там бывшая студентка обуча-

лась хитрой науке «как продать непродávаемое».

Девушкой она была привлекательной, чем вызвала интерес стареющего директора-ловеласа. В своем возрасте он был еще мужчиной симпатичным. Одевался со вкусом. Следил за внешностью, был постоянным клиентом салонов красоты. Босс положил глаз на очаровательную помощницу и настойчиво оказывал ей знаки внимания. Добившись близкого расположения Людмилы (так звали девушку), в скором времени оказавшейся в «интересном положении», он попросил ее уволиться «по собственному желанию». Люда уволилась, и никаких дальнейших встреч с моим биологическим отцом больше не было. В таком удручающем состоянии, проклиная несчастную женскую долю, она вынашивала меня семь месяцев...

После появления на свет и началась моя вечная черная полоса...

Я увидел свет раньше срока с предсказанием акушерки: «не жилец». На удивление медицине, выжил. Не буду описывать свои болезни, дабы не утомлять читателя. Далее ждал круглосуточный садик, школа и улица. Мать оставляла на бабушку своего байстрюка (так называли детей, родившихся вне брака), которая всячески жалела меня. Школьные годы чудесные вспоминаю как страшный сон. Накануне Первого сентября сломал правую руку. В первый класс пришел с гипсом. Учителя невзлюбили меня, вел я себя вызывающе – нагло, по-хамски. Надо отдать должное, при этом учился непло-

хо: мамины гены и семя шефа удачно «проросли» в моем организме. Спасибо им хотя бы за то, что подарили мне память, сообразительность и физическую выносливость. Я участвовал в различных соревнованиях и школьных олимпиадах, занимая первые места. За это меня терпели. В день школьного выпускного вечера на моем прыщавом лице выскочили фурункулы. Праздник прорыдал в ванной комнате, проклиная судьбу-злодейку.

Таких «мелочей» в жизни множество, если быть точным, то они происходили постоянно. Я служил таким магнитом для неприятностей. От меня всегда уходил последний транспорт, передо мной заканчивался товар. Если я стоял в очереди, обязательно впереди влезали человек пять пенсионеров какого-то «значения» или инвалиды труда и пьянки. Это была норма моего существования. Однако в юношеские годы я на это внимания не обращал, думая, что так живут все.

О своей службе в армии даже вспоминать не хочу: два года, выкинутые из жизни, в кирзачах и марш-бросках. После бабушкиного всеобъемлющего сочувствия тяжело оказаться среди неуправляемого разумом стада призывников и «дедов». Первый год меня чморили, а второй я мстил за себя новобранцам. Иногда это получалось. Радости не приносило: естественным образом шла борьба за выживание. Там, за забором воинской части, частенько происходит то, в чем на «гражданке» ты никому и никогда не признаешься. Не потому, что подписал бумагу о неразглашении, а потому, что

рассказать об этом слишком стыдно. Как говорится – «Все знают, что ты знаешь, и ты знаешь, что все знают, и ты, и все, кто знают, будут делать вид, что не знают». Делайте вывод...

Далее был институт. Проучился восемь из положенных пяти лет. Не мог сдать зачеты, и меня не допускали к экзаменам. Восемь лет – на свалку жизни... В результате пришлось устроиться на завод. Работа многие годы унижала мое высокое достоинство. Я верил, что родился для чего-то большего.

Всегда считал себя неудачником, и потому на моем лице отложилась печать вечной скорби. Девушки относились ко мне по-матерински, считая своим долгом заботиться обо мне. Я же не мог терпеть этого и рвал отношения после нескольких месяцев пытки. Меня тяготила совместная жизнь. Ведь жить с кем-либо – значит, быть ответственным за того, с кем живешь, к тому же это совершенно другой вид существования... В отличие от встреч, ты живешь по расписанию: по ее расписанию! Ты постоянно должен. Должен вовремя приходить, вовремя кушать, вовремя делать то, что она считает, ты должен. И начинаешь жить не своей жизнью, а подстраиваешься под ее жизненное кредо.

Мне не нравилось подчиняться. Ощущение, будто ты в клетке. Женщины желали видеть меня счастливым, а выходило так, что они были несчастными со мной. Я не хотел жить по шаблону. Что мне было нужно, чего я ждал?

Не знаю. Как должно быть? Не знал. Я ничего не мог предложить им взамен.

И все же одной удалось затащить меня не только в постель, но и в загс. Конечно, как у большинства, это произошло не по большой светлой любви, а по пьяному за- лету. Ребенок перевесил мои жизненные устои. Я не стал возражать. Знакомство с родителями убедило меня, что женитьба необходима. Видели бы вы мою тещу! Тесть же напоминал овощ на огороде – такое маленькое бессловесное существо... Мне было его чисто по-человечески жаль. Тогда я мог только догадываться о его незавидной доле. Он так умоляюще заглядывал мне в глаза, ища защиты и поддержки, что я женился бы даже из мужской солидарности!

Сыграли свадьбу, родился сын. Я даже сжился с мыслью о безысходности своего положения. Старался быть хорошим мужем и зятем. Но теще мало было своего бесхребетного муженька. Как у мачехи про Золушку: «Эх, королевство маловато, разгуляться негде!» Я стал еще одним «мальчиком для битья» в этой истеричной семейке. Постоянные придирки по поводу и без повода, подтрунивание, насмешки, унижения – вот все, что я испытал в полном объеме. «Мы из тебя сделаем человека», – то и дело повторяла теща. Жена во всем ее поддерживала.

Живя в их доме, я представлял, что нахожусь в психоневрологическом диспансере для людей с тяжелым психическим расстройством. И если из тюрьмы выходят, отмотав срок, то здесь была полнейшая безнадега. Они вцепились в меня, как клещи. Зачем я им был нужен? Думаю, для ста-

туса замужней женщины, не более. Привыкнув терпеть, я все сносил молча. Всех это устраивало.

Но однажды я сломался...

Весеннее раннее утро, город дремал. Был обычный, ничем не выдающийся выходной день. Хотелось ото- спаться, поваляться в постели и ничего не делать, никого не слышать, не видеть. Казалось, ничего особенного не произошло, просто жена решила убраться в комнате, когда я спал. Полгода мы жили в бардаке, и вот именно в этот день и час ее стали черти надирать заняться уборкой. Войдя с ведром, полным воды, она грохнула им об пол. Вода выплеснулась. Тихо, злобно, но так, чтобы я слышал, она материла свою неудавшуюся, по ее мнению, жизнь. Притворяясь спящим, чувствовал, как внутри начинает разбухать ком раздражения и злости. Шваркая тряпкой, с грохотом передвигая стулья и пиная предметы, попадавшие ей под ноги, она приближалась к кровати. Открыв глаза, увидел, что вместо симпатичной девушки на меня надвигалась кухонная ведьма. На голове из-под платка выбивались волосы, падая на лицо, тещин выцветший халат с дырами под мышкой наводил ужас. Чудовище в женском обличье, неестественно вращая черными глазницами, приближалось все ближе, неся швабру наперевес, как ружье. Вместо рта зияла пустота...

Не помню, что почувствовал в это мгновение, что пронеслось в голове, но, резко подскочив на кровати, с диким криком ринулся к ней. Сдернув платок, схватил за волосы и на-

чал кидать ее тело из стороны в сторону, как мешок. Кричал, как раненый зверь. Без слов, просто орал во всю мощь мужского горла.

Очнулся, почувствовав легкость в руке. С удивлением увидел в зажатом кулаке большой клок женских волос. Сама же жenuшка, оторвавшись таким неестественным образом, отлетела к стене и всей массой располневшего тела шмякнулась.

На наши вопли прибежала теща. Увидев распластавшуюся дочь с окровавленной головой, кинулась на меня, как коршун, растопырив руки-крылья. Но я еще находился в невменяемом состоянии и сдаваться не собирался. Оттолкнув женщину от себя, бросил в нее клок волос и закричал в исступлении: «Убью, суки, твари! Не подходите ко мне! Ненавижу!»

Не помню, как оделся и выскочил из квартиры.

Вы спросите, почему я так подробно описал случай из семейной жизни, заостряя на нем внимание? Потому что в тот момент моя жизнь оказалась на перепутье. Что делать дальше? Вернуться, повиниться и продолжить свое никчемное существование в этой семье? Или уйти куда глаза глядят, чтобы больше не подвергать опасности ни себя, ни их? Что делать? Вернусь – где гарантия, что не посадят? А если не вернусь? Замкнутый круг – вот куда я попал! И выбора нет, и выхода нет...

Бродил по улицам до самой темноты, не замечая холода, голода и усталости. В меня будто вшили мотор без выключа-

теля. Истерзанные нервы – как палец на спусковом крючке. Страх не давал дышать полной грудью. Неизвестность сковала организм. Наконец, окончательно замерзнув, зашел в бар. Там было тепло, пахло едой. Официантка поставила передо мной кружку пива. Выпив залпом, не мог остановиться, заказал водку. Вот это выходной! Вот это отдохнул! Что же дальше? Картины всплывали в мозгу самые абстрактные. Досидев до закрытия, успел даже вздремнуть на диване.

Всему наступает конец, а решение так и не пришло. Идти домой не хотелось. Впереди был еще один день. Его я совсем не помню. С кем-то пил, где-то спал. Очнулся в ментовке – забрали с улицы. Держать меня не было повода, и, оформив, наутро отпустили. На работу не пошел, домой явиться боялся, стал бродяжничать. Познакомился с местными «санитарами помоек».

Собирал банки и бутылки. Ночевал в подвалах, на вокзале, на лавках, в подъездах...

Когда по заявлению новой родни меня задерживали, за мной приезжала теща и возвращала в семью. Какое-то время я там жил, меня великодушно прощали, но ничего не забывали, часто упрекая в никчемности. В один из таких промежуточных этапов моей жизни родилась дочь. Но это не изменило наши отношения. Я ненавидел жену, терпеть не мог ее маму, и только иногда с тестем выпивали, прячась в кладовке, жалуясь друг другу на свои неудачные союзы.

И все-таки я решил оформить развод и уйти из семьи.

От бабушки мне досталась квартира – туда и перебрался. Дальше – «день сурка»: работал и пил, пил и работал. Казалось, что бегу по кругу. Выйдя из суда, порвал свой паспорт. Эта часть жизни была закрашена черной краской сознания. Остался один. Никогда больше не вспоминая этот отрезок жизни, не рассказывая о нем никому. Со временем убедил себя в том, что ничего этого со мной не происходило. Так проще.

Тоска все же точила организм изнутри, подрывая здоровье. Сам себе становился с каждым днем противнее. Как жить – не знал. Есть ли смысл в такой бессмысленной суете? Кто ответит? О том, что произойдет со мной, я не догадывался. Мне было на тот момент 39 лет. А пока вследствие того, что уже произошло, пришел к выводу, что мне не место на земле. В голове возник способ борьбы с бесполезной жизнью...

Глава 2

Решил сделать – делай, не разочаровывай Вселенную. Возьми отпуск и доведи дело до конца.

Вначале решил уйти из жизни без боли. Купил снотворных таблеток, водки, думал, сделаю как в кино. Уснул – и ты уже в раю. Сидишь на облачке, ножки свесил, за спиной крылышки. Взмах – и ты на тучке... Тебя больше не тревожит

ни скачок доллара, ни повышение цен, ни то, что где-то идет война или политическая обстановка не стабильна... НИЧЕГО!!!

Готовился тщательно. А как же! Когда меня найдут, чтобы не стыдно было за себя... Помылся, побрился, переоделся в чистое. Все честь по чести. Стол накрыл: надо же напоследок удовольствие получить – если не от женщины, то хотя бы от еды. Купил баночку икры, намазал толстым слоем кусок батона, открыл банку с киль-кой, огурчиков соленых нарезал. Последний раз должен быть праздником. И приступил. Налил водки полстакана, таблеток крошил, залпом выпил. Закурил. Закусил.

Посидел, передохнул. Прodelал все то же самое. Второй, третий...

Перед глазами мушки, я их отгоняю, а они лезут и в рот, и в нос, вызывая чихание. Стало весело, потом пла-кал от жалости к себе. Не понимал, почему со мной так жизнь обошлась? Смотрю – я не один. Налил и рогатому, выпили.

– Вот скажи мне, черт, почему все не так?

– А что не так?

– Да все не так!

– А конкретней?

– А ты не знаешь?

– Нет, не знаю.

– Ты же бес, ты должен знать!

– Я бес, но я не знаю.

- Какой же ты к черту бес?
- Я бес обыкновенный. А вот ты кто?
- Я? Александр. Неудачник. Будем знакомы.
- Александр, кончай бухать, поехали кататься!
- Кататься? Куда?
- Да хоть куда! Поехали!
- А там будет весело?
- Там будет очень весело!
- Тогда поехали!

И я запел: «Поедем, красotka, кататься, давно я тебя поджидал!»

Рогатый подхватил мелодию, нежно поглаживая меня по спине, шепча непонятные для слуха, но, судя по тону, ласковые слова.

– Поехали! – крикнул я и как Гагарин взмахнул рукой.

Комната закружилась, превращая предметы в песочный вихрь, и я полетел.

– Я лечу! – кричал я. – Лечу...

В теле была такая легкость! Так хорошо я себя никогда еще не чувствовал...

С каждым витком мы ускорялись, сердце бешено стучало, пытаюсь вырваться из груди.

– Я лечу! Лечу!

Мимо проносились лица, но я не успевал их разглядеть, слишком быстро крутило. Иногда что-то ударяло во время движения, но вскоре я перестал обращать на это внимание.

Новое состояние мне нравилось. Наконец, начали снижаться, и я упал.

– Где я? – спросил пустоту.

– Ты в аду, – ответил невидимый голос.

– А ты кто?

– Я – это ты, только наоборот.

– Это как?

– Это так.

– Ничего не понимаю.

– А тебе и не нужно понимать. Вставай, твой путь начинается.

– Какой путь? Куда?

– Отсюда – туда.

И тут я получил сильнейший удар по лицу. Схватился за него руками и ужаснулся: вместо крови на ладонях была зеленая слизь.

Фу, мерзость...

Очнулся на унитазе, лицом в... Ну, вы поняли, о чем я...

– Странно, – глядя вглубь «белого друга», сказал я. – Не думал, что все так закончится. Я все еще жив.

С трудом хватая ртом вонючий воздух, попытался встать.

Как там в песне? «Первый шаг – он трудный самый»? Поскользнувшись, полетел на пол всей мощью большого тела. Огляделся, насколько позволяла головная боль. Так вот, оказывается, почему я не ушел в мир иной! Организм был не согласен с таким положением вещей! Выпив снотворного

и водки, уснул, а желудок отторгнул эту закуску. Вот дурак! Мог ведь и захлебнуться! Позорная смерть...

Даже не подумал об этом. Фильмов насмотрелся. Там красиво показывают!

– Забыл, ты же не в фильме? Ты в реальной жизни, чувак! А здесь, извините, все по-другому!

– Кто это сейчас сказал? – спросил я. Ответом была тишина.

Лежа на полу туалета, попытался вспомнить, как все было. Я ведь за столом пил, а оказался у «толчка». Видимо, мне стало плохо, тошнило уже сонного, поэтому ничего не помню.

Надо встать.

Но попытки заканчивались провалом. Руки скользили по полу, как по льду. Ноги разъезжались в разные стороны. Забавное зрелище со стороны... Мне же было в этот момент не до смеха. Оставив затею, полежал на спине несколько минут, вдыхая свой внутренний мир. Пришла мысль: нужно протянуть руку и воспользоваться унитазом как опорой. Протянул, ухватился и начал подтягиваться. Сел наконец-то. Ух! Сколько усилий пришлось приложить. Устал даже. И тут я огляделся... Зрелище, однако! Господи, плохо-то как! Нет, хватит, сколько можно? Будто кишки вытащили без наркоза!

С трудом встав на четвереньки, начал движение в сторону ванной комнаты. Устал. Полежал. Голова кружилась. Продолжил ползти. Получилось. Залез. Включил воду. Ноги

от слабости подкашивались, и я опустился на дно. Долго сидел. Горячая вода привела меня в чувство, холодная – взбудрила. Наконец, в голове начало проясняться. Выйдя из ванной на подкашивающихся от слабости ногах, добрел до кухни.

Руки тряслись и не могли держать предметы. Преодолев все физические трудности, сделал крепкий кофе. Обжигая губы, глотал черную жидкость, не разбирая вкуса. Стало легче. Подошел к зеркалу.

– Ну и рожа у тебя, Шарапов!

– А кого ты ожидал увидеть? Красотку Мэри Поппинс? Приведя себя в человеческое состояние и одевшись, вышел на улицу. Голова от свежего воздуха закружилась, тошнота едким комом подкатила к горлу. Остатки неудачного отравления резко поднялись вверх. У какой-то стены я избавился от того, что вчера было закуской. Постоял, глубоко дыша и опираясь на перила лестницы, затем поднялся по ступеням в маленький магазинчик под незатейливым названием «Продукты». Зашел, а чего хочу – не знаю: то ли пить, то ли жрать? А может, и то и другое? Купил пива и сигарет. Вышел. Сел на лавочку.

Открыв бутылку, жадно выпил.

– Господи, хорошо-то как! И зачем ты, дурак, хотел уйти жизни? Острых ощущений захотелось? А если бы получилось – и умер?

– Тогда не смог бы почувствовать, как хорошо сейчас.

И к чему все это? Чтобы понять, как хорошо жить?

Я сидел и думал: зачем мы живем? Чтобы однажды умереть? А смысл? В продолжении рода? Своего никчемного рода? Чтобы наплодить таких же? Ну, конечно, не все безнадёжные. Тогда, может, отбор какой-то нужен? Формирование нового человека? Этаких идеальных людей наклепать, а тех, от кого нет пользы, – в печь, в крематорий? А у кого будет право судить: кому жить, а кому нет? Не бывает страшнее зверя, чем человек. Вот займет место престола псих типа Гитлера и будет косить человечество, оставляя того, кого считает нужным. Разве не страшно? Но я не буду думать за все человечество, не в моей это компетенции, мне надо довести до конца свою задумку. Я не нашел в своей жизни смысл и потому не имею права на существование.

Знаете, чем отличается нормальный человек от психа? Не только тем, о чем вы подумали. А я вам скажу: нормальный человек при неудаче не пытается сделать то же самое, а псих всегда доведет до конца задуманное. Поэтому, наверное, творческие люди с отклонением в психике достигают того, к чему стремятся. Если ты даже имеешь талант в чем-либо, но у тебя все хорошо с головой, ты никогда ничего не достигнешь. Разум не даст тебе это сделать. Не позволит совершать поступки, не свойственные нормальному человеку. Поэтому так много спившихся «непризнанных гениев».

Себя к гениям и талантам я не причисляю, нет во мне никаких сверх способностей, но зато я псих. Мой разум спит,

пресловутая мужская логика отсутствует. Я – чело- век-им- пульс. А еще – мазохист в том, что постоянно довожу себя самокопанием, ища то, чего быть не должно.

Запутал я вас совсем своими рассуждениями... Приго- товьтесь к тому, что мысли мои будут повсюду. Ведь от них трудно избавиться не только нормальным, но и психам.

После неудавшейся попытки умереть во сне я не отказал- ся от идеи покончить с собой и, ища новый способ ухода из жизни, решил утопиться.

Пошел искать место. Задача оказалась сложной. А как топятся за границей? Там с моста прыгают. Начал ходить, искать место. Наконец, одно понравилось. Оказалось, что на больших мостах охрана дежурит. Нельзя, заметят, хотя... черт с ними, пусть! Это ведь недолго, не успеют добежать. Перемахну – и все. Я побежал. Бежал так, как еще никогда не бежал! Как спринтер на короткую дистанцию. Если бы принимал участие в состязании, то первое место мне бы- ло бы обеспечено! К сожалению, я не на соревнованиях. А мог бы, если раньше задумался над этим. Но теперь уже поздно... На середине моста остановился, оглянулся и быст- ро забрался на ограждение. Ну, все! Прощайте, люди, про- щай, мир! Времени на раздумье не было, и я прыгнул...

Обычно в фильмах показывают: человек летит, кадры идут в замедленном режиме, и он успевает вспомнить жизнь с детских лет и неудавшуюся любовь в придачу.

Секунда... хрясь!

Оказалось, ограждение, сволочи, натянули! Сетка металлическая. Не отскочил, а ударился так, что потерял сознание. Меня вытащили, привели в чувство, отвезли в больницу.

Перелом обеих ног! Долго лечился. На время мысли о никчемности оставили меня. Было не до этого. Боль не давала думать: она овладела моим телом и сознанием. Но, как я уже говорил, всему наступает конец.

Подлечили, выпустили. Иди, живи, чего тебе, идиоту, не хватает? Да вроде всего хватает, а вот пусто на душе...

Одиночество давит, и нет спасения от мыслей...

Глава 3

Только отсутствие боли дает полную свободу...

Стою на пороге ненавистой больницы с душными врачами, спасшими мою кем-то сверху прóклятую жизнь. Я свободен! Опять наедине с самим собой, со своими мыслями... Свобода!

Если кому-то пришлось быть долгое время в изоляции от внешнего мира, тот поймет меня. Чувство, которое не описать словами, это мгновение надо прожить.

Меня охватывает волна наслаждения от пьянящего воздуха.

Начинаю тихо напевать:

Я – свободен, словно птица в небесах.

Я – свободен! Я забыл, что значит страх. Я – свободен, с диким ветром – наравне. Я – свободен наяву, а не во сне.

У меня – грандиозные планы. Планы на жизнь. Или на выживание в жизни? Как знать, как знать... Может, придется столкнуться и с тем, и другим. Готов ли я к борьбе? Об этом мне предстоит еще подумать, а пока, мурлыча себе под нос, иду домой.

Не могу назвать себя романтиком, но, подходя к подъезду, сердце защемило. Заволновался. Вот и она. Квартира сорокалетнего неухоженного нудного холостяка. С трепетной тоской ждет своего хозяина. А хозяин ли ты своей квартиры? Своей жизни? Своей судьбы?

Как мама меня называла? А, вспомнил: непутевый! Раньше я не придавал значения этому слову, и вдруг сейчас оно открылось мне новым для меня значением. Ну конечно же: непутевый – значит, **НЕТ ПУТИ!**

Ах, дорогая мама, так это ты меня закодировала, своего единственного сыночка. Еще с детства так называя, отрезала все пути к нормальной жизни.

Говорим слова, не думая о последствиях, не подозревая, какую они имеют над нашей жизнью власть. Медленно, настойчиво разъедая, как коррозия – металл, управляют они нашей судьбой. Почему родители и школа не учат правильно выражать свои мысли и желания? Может, меньше было бы неудачников, ломающихся при любом движении ветра перемен? А вдруг это специально делается? Мол, пусть каждый

сам себя тащит за волосы из болота, как это сделал Мюнхгаузен? Извините, а кому это надо и зачем? В чем смысл такого жесткого обучения? Сделать человека сильным, уверенным, успешным? Но не со всеми это проходит... Слабые никогда не станут сильнее. А вот сильные личности вполне могут ослабеть от постоянной борьбы. Для чего все это? Почему Господь не дал всем все поровну?

Вот, опять меня унесло, а ведь я все еще стою у своего жилища и не решаюсь открыть дверь. Почему? Боюсь? Чего?

– Ты боишься тишины, боишься одиночества.

Боишься себя!

– Да, боюсь! Боюсь зайти в пустоту, в никуда...

Робко, с нарастающим липким страхом внутри зачем-то нажимаю на звонок. Прислонив ухо к двери, пытаюсь услышать хоть какие-то звуки.

С той стороны – тишина. Там нет жизни. Может, мне не надо туда заходить? Вдруг черная дыра поглотит меня, и я не успею оставить свой нетленный след в истории? А как же планы, новая светлая жизнь? Все сгинет в пучине этой заколдованной квартиры?

– Хватит демагогии, доставай ключи и входи уже!

– Господи, почему так руки дрожат? Я же к себе пришел, не вор, не в чужую хату лезу! Мне страшно. Сердце колотится, пытаюсь предотвратить беду. Но надо войти. Надо. И пусть будет, как будет!

Оглушительно раздался щелчок замка, и я заскочил в про-

хладу своего жилища. Теперь мое тело в безопасности. Еще недавно пытался всячески убить себя, а теперь во мне поселился панический страх. Чего ты испугался, дурашка? Точно, псих! Ну а кто ты еще? У меня и справка есть. А кто не псих? Стрессы никто не отменял. Каждое утро будильник звонит, и ты как ошпаренный вскакиваешь, сердце – скок до потолка, и понеслось... Прибежал, а автобус ушел, выходишь, а у твоего старого «Москвича» колес нет, босс лютует, требует то, сам не знает, что. А ты думаешь: только бы премии не лишили, только бы не сократили! И тут же на ум приходит фраза из первой советской азбуки «Долой неграмотность: букварь для взрослых» за 1919 год: «Рабы – не мы. Мы – не рабы». А кто мы? Разве не мы рабы? Или рабы не мы?

И как после этого не рехнуться? «День сурка» каждый день, каждый год до конца твоей никчемной жизни.

– Вот, опять завелся... Иди лучше уборкой займись. Я оглядываю комнату: пыль, оторванные шторы.

Как могильные кресты, пустые бутылки нестройными рядами расположились повсюду. И затхлый, неживой запах.

Окинув нервным взглядом свое безнадежное логово, задумался.

– Ну что встал как вкопанный? Голос с небес или Голос разума?

– Я думал, что я тебя больше не услышу.

– И не надейся! Я всегда с тобой буду, всегда рядом. Так

что начинай новую жизнь, хватит умничать. Тряпку в руки – и вперед.

– Какие черти тебя принесли? Кто ты такой?

– Я – твое второе Я!

– Врешь ты все! Нет у меня второго Я!

– Займись уборкой!

– Сейчас, только в холодильник загляну, может, там чудо чудное засиделось-залежалось-заждалось?

– Ага, как же! Тебя ждет. Откроешь холодильник – тебя и сожрет!

– Я смотрю, у тебя чувство юмора прорезалось.

– Заткнись, умник!

Бреду, спотыкаясь о предметы убогой жизни, на кухню, открываю волшебную дверцу в слабой надежде что-то най-ти...

Епть... там такое... Зато есть бутылка пива столетней давности! Хоть убейте, не помню, как она там оказалась. Да и неважно уже.

Выпиваю залпом. Боже, хорошо! Валюсь на диван.

Отдохну немного – и обязательно начну.

Тишина пустующей квартиры накрыла, словно ватным одеялом. Глаза заволок густой сонный туман. Диковинная колесница, везшая полную бочку живительной воды, опрокинулась. Содержимое вылилось, сбивая все на своем пути стремительным фонтаном. Сквозь на- ступающую дрему услышал, как обрушился на землю дождь.

Больная плоть и уставшая от жизни душа улетели из тела в бездну полнейшей безнадеги. Почувствовал, как тяжесть согнула тело, и в отражении зеркал увидел за спиной крылья-лезвия, на каждом огненными буквами полыхали слова: «Зло» и «Добро». Сбросив железную сбрую и облегченно вздохнув, засмеялся: боли больше нет. Я свободен! Я мог летать! Я стал тем, кем всегда хотел: я стал Ангелом. Простите меня, и я прощаю вас. Мне теперь ничего не нужно. Нет боли. Нет страданий. В этом и есть свобода. Дождевые капли судорожно барабанили по крыше домов, в окнах загорался свет, люди возвращались из вынужденного рабства по домам, чтобы утром вновь надеть кандалы. А я как никогда чувствовал себя свободным...

«Клиент скорее жив, чем мертв», – произнес Голос, и я проснулся.

Я жив, жив, жив...

Встав, почувствовал себя отдохнувшим, посвежевшим, словно путник, вышедший к прохладному оазису в пустыне. И первым делом решил, что начну новый виток жизни с того, что приведу бунгало в порядок. Несколько часов трудился, чтобы придать квартире жилой вид. Закончив, оглядел: молодец, всегда бы так! Теперь можно и прогулять себя по ночному мокрому городу...

Глава 4

*Вставай, неудачник, и вперед! Да пребудет во мне море!
Аминь!*

Попытка покончить со своим существованием закончилась позорным провалом. Если честно, мне понравилось испытывать необычное состояние. Когда висишь на волоске от смерти, мозг начинает лихорадочно работать, крутя колесики внутри искаженного реальностью черепа. А вернувшись на брэнную землю, остро ощущаешь, как же хороша жизнь! Правда, длится это совсем не долго. И снова все предстает в черном свете, напоминая шахту без выхода. Радость от возвращения сменяется жуткой, затяжной депрессией, начинаются новые поиски решения ухода на тот свет.

В очередной раз намерение покончить с собой рисует выбор. Как только рождается новая мысль о самоубийстве, сразу испытываешь учащенное сердцебиение. Нервное возбуждение не дает уснуть. Мысль о смерти будоражит кровь. Такое ощущение, что она закипает, и надо срочно с этим что-то делать, пока не случился внутренний взрыв.

Разве я один такой? Нас армия людей без будущего, не нашедших себя, не понимающих – для чего, зачем? Смотришь на людей и удивляешься: в чем они находят наслаждение? Что хорошего как робот вставать каждое утро в пять-шесть утра? Толкаться с человеческой массой в транспорте, ждать окончания рабочей кабалы и опять трястись час, а то и больше, чтобы добраться до дома. А что ждет тебя там? Чу-

жая женщина, сопливые дети, раздражение, болезни и злость на неудавшуюся жизнь? И это вы называете счастьем? Нет, лучше покончить с этим невольничьим рынком рабов, выпустив душу на свободу.

Лети, душа, лети!

...Раннее утро, открываю глаза. Сегодня понедельник. Отпуск по «больничному» закончился. Внутренности недовольно колыхнулись, досадливо пнув в область печени. Громко икнув, выдал в мир утренний монолог: «После продолжительной жизни, приведшей к потере разума, смысла и частично – здоровья, кто-то там наверху решил дать тебе, придурок, еще один шанс. И хоть ты его не заслужил ни работой, ни хорошими делами, ты попытаешься еще раз начать жить. Вернешься в строй таких же людей, с обычными проблемами. Ну, что тело? Вставай, вперед – к станку!»

И я встал, поехал, работал. Казалось, что я, это не я, что это кто-то в моем теле. А может, нас там и нет? В нашем теле?

И вообще нас нет. Если мы не можем сами делать выбор, может, кто-то принимает и решает за нас? Как жить, с кем спать, кого любить?

Кто же этот, невидимый КТО?

На время отвлекла работа. Кто бы мог подумать, что я выберу это ремесло? А чем оно хуже других? Разве выносить «утки» за больными лучше? Но молодые люди выбирают такую профессию. Если подумать, то моя специальность очень

даже творческая. Хотя, какое я имею право судить – у кого лучше, больше, толще? В себе бы разобраться для начала...

Но вот звонок возвращает к реальности. Рабочий день окончен. Мужики толпой идут в душевые, на ходу что-то обсуждая. Задаются вопросы, что-то отвечаю, но вникать совершенно нет интереса. На заводе меня прозвали Угрюмым, наверное, так и есть. Я никогда не улыбаюсь. Мое лицо – это трагедия вселенского масштаба. Пролетарии стараются со мной не общаться. Мне неинтересно обсуждать, кто забил гол, у кого сиськи в женском цехе больше, мне с ними не о чем говорить в принципе. Поэтому, когда на выходе ко мне подошел незнакомый мужчина, я был удивлен. Высокий, подтянутый, волосы с сединой. Интересно, что ему надо?

– Привет. Я тебя раньше здесь не видел, – обратился он ко мне, сразу переходя на «ты».

– Тебя я тоже не помню.

– А я недавно здесь. Давай знакомится. Я Николай.

– Александр.

– Может, посидим, где-нибудь?

– Согласен.

Мы шли рядом, и я думал: «Зачем я ему? А зачем мы вообще кому-то?»

Взяв пива в ближайшем ларьке, сели на скамейку. Я искося рассматривал нового товарища. На вид около пятидесяти. Приятное лицо. Одет – как все мужички нашего времени. Ничем не выделяется. На гомика не похож. Чего ему

нужно от меня? Просто поговорить или что-то еще? Ладно, я все равно свободен, почему бы и не пообщаться? Тем более, друзей у меня давно уж нет, как и подруг, впрочем, тоже. Я закурил.

– Ты женат? – помолчав, спросил он.

– Нет. Предвидя твой следующий вопрос, скажу: так сложилось.

– Не скучно одному?

– Бывает, накатит тоска, но потом отпустит, и снова все в норме. А ты?

– О, я был женат три раза.

– Вот это да! Как же так? Не ужился ни с одной, или они – с тобой?

– Не совсем так.

– Любопытно было бы послушать.

– Мои брачные истории трагичны.

– Ну, не трагичней, наверное, чем моя жизнь?

– О твоей жизни я пока не знаю, но надеюсь, ты мне расскажешь.

– Да, собственно, и рассказывать не о чем. Сплошная непруха.

– А в чем она выражается?

– Во всем.

– Нет, Александр, так не может быть. Конкретизируй.

– Куда уж конкретней... Мне скоро сорок. Седина вылезла, а я до сих пор ничейный, бесцельный, непутевый. И из-

менить это никто и никогда не сможет.

– Никогда не говори «никогда».

– Да брось, Николай, ты действительно веришь в эту чушь?

– Верь не верь, а говорят ведь – не зарекайся. Как только скажешь «никогда», так обязательно судьба предоставит случай.

– Ну, может, ты и прав, а пока живу, и ничего не случается в моей жизни интересного. Сам себя развлекаю.

– И как развлекаешь?

– Пытаюсь себя убить, да и тут невезуха. – я горько усмехнулся.

– Ну, это ты, брат, зря. Жизнь, в общем-то, интересная штука!

– Не знаю, не пробовал.

– Жениться тебе надо, вот и узнаешь вкус жизни.

– Я такой вид развлечения не поддерживаю.

– А что так?

– Не хочу жить по чужому расписанию. Предпочитаю свободу и одиночество. Семейная жизнь не для меня.

– Наступит время, Александр, встретишь свою любовь и изменишь свое мнение.

– Может быть, может быть... А может и не быть.

Доживем – посмотрим.

Мы долго обсуждали разные темы, но вечеру пришел конец. Довольные общением, мы расстались.

Я почему-то был рад, что у меня появился друг. Во всяком случае, я воспринял наше общение так. Все-таки каким бы ты ни был умным психом, а разговор с самим собой не заменит мнение живого человека. Ведь он думает не так, как ты, и это тоже интересно. Новый человек – как ручей, что нашел ложбинку, по которой упадет в большую реку. Вот из таких ручейков и образуется целое море. Думаю, что с Николаем нам будет, о чем поговорить еще не раз. В любом случае опыт чужой жизни – тоже опыт. Наконец, в усыхающее болото никчемной жизни ворвалась свежая вода.

Да пребудет во мне море! Аминь!

Глава 5

Разве человек с нормальной психикой может подвергать себя бесконечным мукам?

Мы стали встречаться с Николаем, когда наши смены совпадали. Шли в ближайший магазинчик, брали пиво, какую-то закуску и сидели допоздна на скамейке, говоря обо всем.

Однажды я напомнил о нашем первом разговоре, когда он хотел поведать о своей жизни. Трижды был женат, а в результате одинок.

– Почему у тебя столько раз не сложилось?

Николай помолчал, собираясь с мыслями, восстанавливая

в памяти события, тяжело вздохнув, начал:

– Мои браки все были по любви, и ничего ни разу не предвещало, но вот почему-то каждый раз они печаль- но обрывались. Первый раз, когда я решил завести семью, познакомился с замечательной женщиной. Ее звали Светланой. Прожили три года как в сказке, но вдруг она заболела лейкозом. Семь лет боролись за жизнь. Был момент, когда болезнь начала отступать, и тут врачи допусти- ли ошибку... Светочка умерла у меня на руках. Смотреть на ее уход из жизни без содрогания в сердце было невозможно. Я очень долго переживал это.

– Прости, прими мои соболезнования.

– Что было – то было. Время прошло, рана затянулась, захотелось опять попробовать создать семью. Женился второй раз. Девушка была молода, очень энергична. Как маленький моторчик – не могла сидеть на месте. Звали ее Танюшкой. С ней я прожил три года. Подарил моей птичке машину. Ей нравилась скорость, а ездила плохо, опыта не было. И вот однажды на обгоне не справилась с управлением, въехала во встречный КамАЗ. Хоронить было нечего...

– Вот это да...

Мы выпили. Я не знал, что говорить в таких случаях.

Но молчать было неудобно, закуривая, спросил:

– А что было дальше?

– Дальше? Я третий раз женился – на молдаванке Камилле. Прописал у себя. Прожили тоже три года. Все было заме-

чательно, но ее мать заболела, и она была вынуждена уехать ухаживать за ней. Перевезти ко мне тещу запретили врачи, да и нужен был санитарный транспорт, на что у меня не было денег. Пришлось цивилизованно развестись. Мать бывшей жены до сих пор лежит парализованная. Остался я один. Но волосы на себе не рву. Работаю, занимаюсь делом. И опять в активном поиске.

– Неужели хочешь жениться?

– Хочу. Нельзя человеку жить одному. Да, это удобно иногда, но природа создала нас парами, и надо обязательно создавать свою семью. Не получилось раз – пробуй второй, третий, хоть десятый. Надо постоянно держать себя в тонусе. Мужчина создан, чтобы заботиться о женщине, а женщина – радовать мужчину. Будешь радоваться – будешь жить долго и счастливо. А где счастье – там люди не болеют.

– Ты рассуждаешь как философ.

– Нет, Александр, какой из меня философ? Это закон жизни.

– Ты сильный человек, раз тебя не сломило это. А ты не задумывался, почему все у тебя завязано на цифре три? Возможно, злой рок преследует тебя?

– Это не злой рок. Все, что произошло со мной, никак не связано с моими личными данными. В первом случае не я был виной ухода из жизни моей жены. Второй случай говорит о том, что надо соблюдать ПДД – и в аварию не попадешь. А третий – неожиданный, но говорящий о том, что да-

му сердца надо выбирать в своем городе, и тогда проблем будет гораздо меньше. Так что цифра три ни о чем не говорит, кроме того, что прежде, чем жениться, нужно рассмотреть возможные варианты. Но это, к сожалению, редко кому удается.

– Я смотрю, ты материалист. Хотя, наверное, прав. Но ты – отчаянный человек, после всего, что пережил, опять хочешь познать любовь. Надо иметь смелость снова полюбить. Я вот один раз боюсь даже увлечься женщиной, а ты три раза был влюблен. Не боишься?

– Если бояться всего, то стоит ли жить? – улыбнулся Николай.

– Может, ты и прав.

Мне было интересно общаться, хотелось информации. Новый друг с большим удовольствием рассказывал о себе, жизни, бывшей работе. Но слушал ли я его в это время? Мои мысли были далеки...

– Зачем нам нужна любовь? Кто ответит на этот вопрос? – задумчиво произнес я.

– Видишь ли, Александр, Бог создал человека не-целостным, поэтому нам все время кто-то нужен, чтобы почувствовать себя счастливым. Так вот, нам нужна наша вторая половина, чтобы испытать гармонию жизни. Чтобы эта самая жизнь засверкала разными красками.

А пока нет такого человека рядом, наше существование напоминает туннель без выхода. Мы ущербны без любви, мы

не видим света, а следовательно, и пути, от этого – маята и скорбь.

– Да, наверное, ты прав, я частенько ощущаю собственную ущербность.

– Это потому, что нам, людям, не хватает самих себя. Мы не знаем себя, не можем принять себя такими, какие есть, поэтому нам нужен другой человек – наше отражение.

– Но такого человека почти нереально встретить, ты не находишь?

– Александр, надо быть прежде всего оптимистом. И воспринимать людей, а именно – женщин, как некий объект для любви. Если ты будешь настроен на это, то и женщина, как радиоволна, подстроится под тебя. А ты, как я вижу, настроен негативно, вот тебе и не везет. Женщина – как зеркало: что ты в нем увидишь, то и получишь. А видишь ты в нем себя...

– И что мне делать?

– Измениться, ничего другого здесь не посоветуешь. Расстались мы за полночь. Я шел по улицам, освещаемым желтыми глазницами фонарей, вспоминая истории Николая, мысли смешивались с его словами о жизни, любви, «половинке». Как может так судьба играть с одним человеком? Давать и отбирать? Любить и терять? В чем надо так провиниться, чтобы испытания на прочность не закончились самоубийством? А ведь у Николая было больше страданий, чем у меня, и, однако, они его не сломили. Надо же – так цеп-

латься за семейную жизнь, что, несмотря на три неудавшихся брака, вновь хотеть этого. А если и следующий раз будет таким же плачевным? Неужели ему не страшно вновь пережить потерю и разочарование? Разве человек с нормальной психикой может подвергать себя бесконечным мукам? А я? Разве я себя не подвергаю?

Нет, у меня все иначе. Я никого не втягиваю в свою в игру, а Николай, женись, подвергает женщин опасности.

Заморосил скупой дождик, и я перенес на него свои размышления. Думал о том, что дождь – это люди, а каждая капля – судьба человека. И когда собирается много грустных историй, рождаются тучи. Плача и жалея себя, они проливаются на землю. И моя история жизни – в одной из этих туч...

Ну, вот я и дома. Усталость и тоска придавили меня к кровати, как две изголодавшиеся маньячки. Вытянувшись словно струна на продавленном бабушкином диване, закрыв веки, вязну в трясине беспокойного сна. Воздух кажется липким и давит на грудную клетку. Меня засасывает все глубже. Кажется, это дно болота. Вытягиваясь, оно становится похожим на взлетную полосу аэродрома. Я вижу, как, передвигаясь по невидимой дорожке, идут какие-то люди. Кто они? Зачем? И вдруг между нами – пропасть. Я стою на краю, ветер развивает мои волосы (я точно знаю, что у меня их нет, но чувствую шевеление на голове). Широко открываю рот, пытаюсь предупредить об опасности, но звука нет. Они не замечают края и летят вниз, отчаянно махая руками. Смот-

рю – напротив стоит девушка. В руках у нее бенгальские огни. Они слепят глаза, и я закрываю лицо ладонями. Сквозь пальцы вижу, как она, оттолкнувшись от поверхности, поднялась вверх, протянув ко мне руки, и вдруг исчезла из вида... Пытаюсь сосредоточиться на происходящем и, сам того не ожидая, взлетаю, как шарик. Встречный ветер оказывает сопротивление, но я развожу руками, будто пловец, преодолевая поток микрочастиц, мчащихся навстречу. Надо мною – звездное небо, раскинувшееся покрывалом. Оно не дает вырваться в космос. Пролетая над бескрайней желто-красной степью, опускаюсь так низко, что ковыль щекочет лицо. И вновь взмываю в ночном безмолвии, играя с горизонтом на приближение-удаление. Вдалеке замечаю огонь и устремляюсь к нему. Спустившись, вижу ту самую девушку, странным образом сидящую: сложив ноги крест-накрест, она висела в воздухе.

– Надо же, левитирует, – подумал я. Необычная. – Кто ты?

– Скоро узнаешь, – отвечает, не открывая рта. Неожиданно незнакомка начинает дуть в мою сторону, и мысли, воспоминания, какие-то идеи, истории чужих людей, вековые человеческие знания – все это густым шлейфом потекло в черную дыру, открывшуюся в моей макушке.

– Зачем мне все это? – удивляюсь.

– Это не для тебя, – отвечает.

– А для кого?

- Для людей.
- А зачем мне?
- Ты – инструмент для передачи.
- И что я должен с этим делать?
- Узнаешь в свое время.

В тот же миг тысячами колокольчиков зазвенела не-обычная странная мелодия, врываясь в пространство времени, болью пройдя через голову.

Я открыл глаза. Телефон на столе разрывался от злости и нетерпения.

Глава 6

Судьба играет с нами в чет и нечет, какую карту вытянут герой.

Пройтись по улице, когда уже темно, а в домах, как светлячки в лесу, загораются маленькие огоньки, оказалось таким удовольствием! В это время суток ты не заметен для прохожих. Они проходят как бы сквозь тебя. Но ты при этом чувствуешь себя человеком-невидимкой. Ты их видишь, они тебя – нет. А как думается во время таких прогулок! Сначала мысли скачут, перепрыгивая с одной на другую, но постепенно наступает умиротворение, все приходит в норму, и начинается плавная беседа. С самим собой можно говорить обо всем, и никто не узнает, о чем ты говорил и думал.

Тебя некому осуждать, некому с тобой спорить. И так как ты наедине со своей личностью, то можно рассуждать, не боясь огласки. Идешь и думаешь: вот за каждым окном – своя жизнь, страсти, радости и печали. Какие они, эти люди? Волнуют ли их те же вопросы? Мне нравилось состояние одиночества. Может, в этом и есть мое счастье, так мало кому понятное, в том числе и мне...

В одну из таких ничем не примечательных ночей, пребывая в раздумьях о бесполезности своей жизни, уходил все дальше от своего дома. Шел, размышляя о том, что лучше вообще не жить, чем постоянно мучиться, ведь ничемное существование не назовешь жизнью... И кто придумал, что надо жить? Зачем? Для чего? То жалея, то ругая себя, не заметил, как оказался под мостом. Среди рассеивающегося утреннего тумана увидел одиноко стоящую машину. Случилось что-то, или просто водитель уснул? Подойдя ближе, рассмотрел подростка, сидевшего на земле и прислонившегося к авто. Сразу и не понял, кто передо мной. На вид лет шестнадцать, джинсы, свитер «кенгуру» с капюшоном, бейсболка.

Я окликнул:

– Эй!

Человечек вздрогнул и открыл испуганные глаза.

– Помогите, я его убила!

– Кого убила? – не сразу понял я.

– Таксиста.

– Как это – убила?

– Нечаянно.

– А чего ты здесь сидишь?

– Хотела вызвать милицию, но мне стало плохо. Что теперь делать?

– Бежать надо отсюда как можно скорей!

– Бежать? А он как же?

– Судя по всему, уже отбежался. Ладно, давай посмотрим, что там.

Я обошел машину и заглянул внутрь. Водитель сидел, пристегнутый ремнем безопасности. Голова набок, глаза открыты.

– У тебя есть носовой платок?

Девчушка вытащила из рюкзачка платочек и протянула, продолжая всхлипывать. Накрыв им свою руку, открыл машину.

– Чем ты его грохнула?

– Шокером. И я его не грохала, это случайно получилось.

– Случайно людей редко убивают.

– Я же говорю – случайно. Он приставать начал, завез сюда, ну я и...

– Понятно, у мужика сердечко слабое оказалось.

– Я не хотела.

– Все так говорят.

Она промолчала, шмыгнув носом.

– В машине есть твои вещи?

– Нет, у меня только рюкзак, и все.

– Хорошо. Надо отсюда уходить, пока народ не проснулся.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости нет людей, открыл багажник, достал канистру с бензином. Облил салон и водителя, захлопнул дверцу и полил сверху.

– Что вы собираетесь делать?

Глаза девчонки напоминали два чайных удивленных блюдца. Я улыбнулся своему сравнению.

– Спасать тебя. Или ты в тюрьму хочешь?

– Нет, не хочу, – замотала она головой.

– Отойди подальше и жди меня.

Девочка послушно отошла от машины. Подняв с земли грязную газету, поджег и бросил в открытое окно. Пламя множеством факелов разлилось по железу, злобно преобразаясь в огненные головы дракона. Ярким светом окрасив салон, пыхнуло жаром. Я отскочил от машины, прикрыв лицо ладонью.

– Зачем вы это сделали? Что теперь будет? Как же он?

– Пойдем отсюда. Где ты живешь? Куда тебя проводить? – говорил, не обращая внимания на вопросы.

– Я только приехала. Он должен был отвезти меня по адресу. А тут такое случилось... Так что мне некуда пока идти.

– Ладно, пошли ко мне. Приведешь себя в порядок и подумаем, что делать дальше. Возражения есть? Возражений нет. И очень тебя прошу, не говори ничего. Я должен подумать, ладно?

Пацанка остановилась в замешательстве. Я понял – она боится. Ну, еще бы! Сам бы испугался себя в этот момент. Но идти надо, и я сказал как можно веселей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.